

Читайте в серии:

В. Кунин. «Интердевочка»

В. Кунин. «Сошедшие с небес»

О. Руднев. «Долгая дорога в дюнах»

И. Грекова. «Хозяйка гостиницы»

К. Шахназаров. «Курьер»

Карен Шахназаров

Курьер

Москва
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
ШЗ1

Разработка серийного оформления и дизайн обложки
Анастасии Ивановой

Шахназаров К.

ШЗ1 Курьер : повести / К. Шахназаров. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 192 с. — (Как мы жили. Лучшее в советской прозе).

ISBN 978-5-389-26281-2

У каждого времени свои герои. В конце 80-х героем времени стал Иван Мирошников, герой повести и одноименного фильма Карена Шахназарова «Курьер».

До «Курьера» не было в литературе и кинематографе таких свободных молодых людей, как Иван, — дерзко, на равных разговаривающих со взрослыми, отвергающих авторитеты и ломающих стереотипы.

За этой бравадой тонко чувствующий читатель и зритель увидят растерянность молодого человека, который еще не знает, как хочет жить, но точно знает, что не так, как от него требуют неизвестно кем придуманные законы и приличия.

«— О чем ты мечтаешь?

— Пальто купить, зима на носу, а мне ходить не в чем.

— На вот тебе пальто! Оно мне все равно не нужно, скоро в армию идти. А ты носи его и мечтай о великом...»

Сверстники Ивана Мирошникова и его друга Базина, мечтавшего о новом пальто, уже не «дети», а «отцы». Но друг друга они узнают по фразам из «Курьера»: «Мечтай о великом...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Шахназаров К. Г., 2024

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024

Издательство АЗБУКА®

Курьер

Не так давно я случайно услышал одну любопытную радиопередачу. Корреспондент останавливал на улице прохожих и задавал всем один и тот же вопрос: «Если бы вам пришлось писать мемуары, о чем вы хотели бы в них рассказать?» Ответы, разумеется, были разными. Одни рассказывали целые истории, другие отделялись анекдотами. Мне больше всего запомнился ответ одного старика. Сперва он сказал: «Мне нечего писать в мемуарах. У меня ничего не было». Корреспондент удивился и не поверил: «Не может быть! Вы человек в возрасте, наверняка многое видели и сами участвовали во многих исторических событиях. Неужели в вашем прошлом нет ничего, что живо волновало бы вас сейчас?» Старик задумался и сказал: «Знаете, много-много лет назад я был влюблен в девушку. Мне тогда было пятнадцать лет, а ей, кажется, восемнадцать. Мы жили в одном доме и часто встречались в нашем дворе. Я все время хотел заговорить с ней и познакомиться, но никак не решался... А потом она с семьей уехала,

и я больше никогда не видел ее. Вот об этой девушке я и вспоминаю теперь больше всего. Об этом, пожалуй, я написал бы. И, может быть, добавил бы сюда немного ничего не значащих разговоров с несколькими давно забытыми людьми. Но разве это интересно кому-нибудь?» «Отчего же?! Очень интересно», — сказал корреспондент, но в голосе его пряталось разочарование.

Я проснулся ночью. Лунный свет серебряным столбом пересек комнату от окна до противоположной ему стены, на которой висела большая африканская маска, — подарок отца.

Маска была черная, гладко отполированная. Ее глаза были полузакрыты, как у людей, вспоминающих прошлое, а толстые вывороченные губы презрительно улыбались. Я почувствовал, что сегодня мне уже не заснуть. Знаете, случается такое: совершенно нормальный, здоровый человек просыпается среди ночи и до утра не может заснуть. Он не болен, у него нет нервного расстройства. Просто он абсолютно выспался и в дальнейшем сне не видит никакой необходимости. В такие часы чувствуешь себя настолько бодрым, что хочется как-то размяться физически — сделать какое-нибудь дикое сальто или вообще что-нибудь головокружительное. Под кроватью у меня валялся старый футбольный мяч. Я достал его оттуда и принялся «чеканить», то есть подкидывал мяч ногой, стараясь не уронить на пол. Было интересно, но все же чего-то не хватало. Я потихоньку, чтобы не разбудить мать, включил магнитофон. Тогда стало совсем весело. Мик Джаггер надрывал глотку, а я «чеканил» мяч.

*Что за чудо этот мяч —
Норовит пуститься вскачь.
Не проси его, не плачь —
Не лежит на месте мяч.
Как поддашь одной ногой,
Так поймать ногой другой
Очень сложно: этот мяч
Норовит пуститься вскачь.*

Мои родители развелись, когда мне было четырнадцать лет. До этого у нас была, что называется, идеальная семья. Родители — педагоги (отец преподавал химию, мать — историю), работали в одной школе, я там же учился. Не помню, чтобы они когда-нибудь ссорились. Отец называл маму умнейшей женщиной, она говорила, что он очень добрый человек. Он был действительно добрым, но — также мамины слова — «немного увлекающимся». Он увлекался футболом, хоккеем, коллекционированием шариковых ручек, кроссвордами, шахматами, цветоводством, рыболовством и, наконец, увлекся новой учительницей пения, которая пришла в нашу школу сразу после окончания института. Это его последнее увлечение оказалось роковым для нашей «идеальной» семьи. Полгода она еще агонизировала, а потом скончалась. Ее смерть засвидетельствовал нарсуд Дзержинского района. Я отлично запомнил тот роскошный зимний день — падающий пушистыми хлопьями снег и ослепительное солнце. Несмотря на такой подвох со стороны природы, мои родители держались великолепно. Они, конечно, сильно нервничали, но никак не выказывали этого и были

настолько корректны и милы друг с другом, что судья сперва решил, будто они ошиблись адресом, — расписывали в соседнем доме. Недоразумение было быстро улажено, и потом все пошло как по маслу. Когда бракоразводная процедура закончилась и мы очутились на улице, мама с вежливой улыбкой попрощалась с отцом за руку и объявила, что зайдет в магазин, а потом подождет меня у метро.

— Мне очень жаль, старина, что так получилось, — сказал отец, когда она ушла.

— Никаких проблем, папа, — сказал я.

— Надеюсь, мы будем видеться как можно чаще? — сказал он.

— Разумеется, папа, — сказал я.

Кажется, он был удовлетворен. В этот момент из-за угла появилась та самая учительница пения, благодаря которой и случился весь сыр-бор, и заспешила к отцу. Однако, заметив рядом с ним меня, она остановилась и в смущении отвернула лицо в сторону. Ей было не больше двадцати трех лет, а раскрасневшись от быстрой ходьбы и мороза, она выглядела еще моложе. Высокая, стройная, длинноногая, с мягкими белокурыми волосами и прозрачно-голубыми глазами, она мне нравилась, несмотря ни на что. Конечно, обидно было за маму, но я мог понять и отца. Зная, что сделаю ему приятное, я сказал об этом.

— Девочка она, конечно, первоклассная, — кивнул я в сторону «певички».

— Тебе правда нравится? — обрадовался он. — Давай познакомлю вас? — И он, не дожидаясь моего согласия, крикнул: — Наташа, Наташа, иди сюда!

Наташа, конфузясь, подошла. Отец несмело взял ее под локоть и представил меня:

— Мой сын Иван... А это Наташа...

Я улыбнулся и пожал ей руку.

— Очень приятно. Поздравляю, — сказал я.

Наташа покраснела и смущенно заулыбалась.

— Спасибо, — пробормотала она. — Федор... — она осеклась, закусив губу, — то есть ваш папа много рассказывал о вас. Я очень рада...

— Представляю, что он наговорил обо мне, — ухмыльнулся я.

— Все нормально, старина, — в ответ засмеялся отец.

— Берегите его: у него язва, — сказал я девушке.

— Ива-ан! — прогундосил отец.

— Что Ива-ан? Что здесь такого? Мама ему настойку из трав делала. Если хотите, я могу потихоньку списать рецепт.

— Спасибо, — с благодарностью произнесла Наташа. — Это было бы великолепно.

Я кивнул.

— Ладно, мне пора, — сказал я отцу. Мы пожали друг другу руки.

— Приходите к нам, Иван, — проговорила Наташа. — Приходите обязательно...

— Непременно, — ответил я и простился с ними. Я действительно приходил к ним потом, правда, не более двух или трех раз, и принес тот рецепт, который обещал Наташе. Однако чаще бывать у них мне было нельзя. Мама, несмотря на внешнее безразличие, очень нервничала первые месяцы после развода и ревниво относилась к моим посещениям отца.

Поэтому, посоветовавшись, мы с отцом даже решили вообще не встречаться некоторое время, чтобы дать ей успокоиться. Мне, конечно, было очень жалко маму, и я понимал, как ей нелегко, но в глубине души считал, что она несколько драматизирует ситуацию. К тому же я нечаянно открыл положительную для себя сторону в этой истории. Так как она происходила на глазах у всей школы, то педагоги, разумеется, приняли горячее участие в ней. В своей массе они единодушно поддерживали мать (кроме физрука, который решительно встал на сторону отца). Их сочувствие распространилось и на меня как невинную жертву «злосчастной страсти». В результате полугодие, в котором развернулись эти события, я закончил на одни пятерки.

Однако со временем все стало забываться. Мама постепенно успокоилась, отец с «певичкой» уволились из школы, а потом он вообще уехал в длительную зарубежную командировку — в одну африканскую страну, и в моем дневнике вновь свое достойное место заняли тройки.

Когда спустя два года я окончил школу, у меня не было никаких твердых планов на будущее. Я не чувствовал в себе особой склонности к какому-либо определенному роду деятельности. Правда, то ли в силу наследственности, то ли из-за своего мечтательного характера я неплохо знал историю, особенно древнюю и Средних веков. Поэтому мама настояла, чтобы я подал документы в педагогический институт на историческое отделение. Она сказала, что мальчики там в дефиците и у меня хорошие шансы поступить. Меня не очень прельщала

перспектива стать учителем истории, но не хотелось ссориться с мамой. Она позвонила какому-то Эдуарду Николаевичу — он в свое время был дружен с моим отцом, а сейчас преподавал в пединституте и являлся членом приемной комиссии. Потом на экзамене я увидел его. Это был маленький лысоватый человек с лицом, которое, должно быть, помнили только его ближайшие родственники. Единственное, что мне бросилось в глаза, — это его галстук. Замечательная вещь, я вам скажу. Наверное, французский или итальянский. Где он его достал и зачем нацепил к своему черному поношенному костюму, мне непонятно. Но галстук был просто выдающийся и настолько выбил меня из колеи, что я никак не мог вспомнить, в каком году крестилась Киевская Русь.

Эдуард Николаевич позвонил маме после экзамена. Мне удалось подслушать их разговор, из которого я понял, что с треском провалился. Эдуард Николаевич сказал, что я способный мальчик, но «слабо подкован по датам». Что верно, то верно — по датам я был подкован слабовато. После этого мать вбежала ко мне в комнату, обняла меня и заплакала. Я стал ее успокаивать, а она грустно смотрела на меня, и слезинки дрожали на ее ресницах. Мне было ужасно жаль ее, и я чуть-чуть сам не ударился в слезы. Но все же сдержался и обещал, что на следующий год обязательно выясню, в каком году крестили Киевскую Русь.

— К тому же, — добавил я, — вспомни Дарвина — как плохо он начал и как хорошо кончил.

В ответ мама погладила меня по голове и сказала:

— Ладно, Дарвин...

В ее глазах погасли звездочки несбывшихся надежд. Она разочаровалась во мне. В школе я учился плохо, но ее поддерживала мысль, что все великие люди в детстве были двоечниками. Теперь же иллюзии развеялись, как куча осенних листьев.

Отцу я написал, что поступил в МГУ на физический факультет, и через неделю получил открытку с изображением антилопы бубалы.

Отец писал: «Поздравляю, старина! Честно говоря — не ожидал! Помнится, в школе ты не проявлял склонности к точным наукам. Тем более приятно! С нетерпением ждем великих открытий. Папа».

Я положил открытку в ящик стола, где у меня уже был целый зоопарк, и на этом дело о поступлении в институт было закрыто.

Почти два месяца я, как говорится, валял дурака: целыми днями лежал на пляже в Серебряном Бору, читал приключенческие романы и до одурения слушал магнитофон. В школе у меня не было близких друзей, а те несколько приятелей, с кем я иногда проводил время, либо поступали в институты, либо уехали отдыхать. Поэтому единственным человеком, с которым я общался в то время, был Коля Базин. Его мать работала медсестрой в районной поликлинике, а отец — разнорабочим в овощном магазине. У Коли было странное выражение лица, особенно когда он улыбался. В детстве он, раздобыв капсуль от стартовика, ударил по нему молотком. Кусочек от разорвавшегося капсуля угодил ему в правый глаз. Спасти его не удалось — глаз вытек, и Коле вставили искусственный. Вообще, было почти незаметно, что один глаз у него ненастоящий.

Только когда Коля улыбался, этот глаз оставался странно-грустным на веселом лице.

Все почтенные мамыши считали Колю шпаной. Но на самом деле он был неплохим парнем. Нас сроднило безделье. Мы играли в карты и иногда ходили на футбол. Коля научил меня играть в сѣку и буру, а на стадионе мы вместе орали что было сил: «От Москвы до Гималаев король воздуха — Дасаев!»

Прошли август и сентябрь. Утомленное лето гибло в холодных порывах ветра. Осень явилась предательски, как удар в спину, в одну ночь сорвав с деревьев еще не желтые листья, размыла землю потоками дождя и покрасила город в серый цвет. Взглянув утром в окно, люди поразились такому превращению и развели руками: дескать, черт знает что случилось нынче с погодой!

Мама в тот день сказала мне:

— Я думаю, Иван, ты уже достаточно отдохнул. Думаю, тебе пора подумать о работе.

Я был готов к подобному разговору, и все же именно в этот день он меня сильно расстроил. Наверное, все дело в погоде. Хотя, если говорить правду, я никогда не испытывал острого влечения к трудовой деятельности. Во всяком случае, я пришел к выводу, что принадлежу к тому типу никчемных людей, которые должны рождаться в семьях миллионеров. Поэтому наиболее подходящим для себя занятием я считал работу грузчика в овощном магазине, куда по протекции своего папаши уже устроился Коля Базин. Меня всегда привлекала та смесь романтизма с реализмом, которая присуща грузчикам овощных магазинов. Однако,

поделившись своими мыслями с мамой, я встретил резкое непонимание и узнал, что вообще моя дружба с Колей держит ее в постоянном напряжении.

— Ты начал пить, — сказала она с драматическими интонациями в голосе.

— Что с того, если я раз в неделю выпью кружечку пивка? — возразил я. — Не забывай, что мне не пятнадцать лет.

— Да, ты, конечно, ужасно взрослый, но мне кажется, что ты со своим Базиным пьешь уже не только пиво.

— Оставь Базина в покое. Он прекрасный парень.

— Я не считаю, что он хорошая компания для тебя, — твердо сказала мать. — Что касается работы, то я уже подыскала тебе место.

— Надеюсь, не ниже замминистра торговли? — осведомился я.

— Почти. Курьер в редакции «Вопросов познания».

— С детства мечтал стать шестеркой.

— В таком случае можешь считать, что тебе повезло.

Что я сказал на это? Не помню. Скорее всего, ничего принципиального. Я думаю так, потому что уже на следующий день был зачислен штатным курьером в редакцию научно-популярного журнала «Вопросы познания» и, повстречав после первого трудового дня Колю Базина, сказал ему:

— Привет работникам прилавка от работников средств массовой информации!

Редакция журнала «Вопросы познания» располагалась в небольшом трехэтажном доме в пяти

минутах ходьбы от метро «Пролетарская». Первый этаж здания занимала контора Госстраха, второй был жилым, а на третьем и помещалась сама редакция. В моей набитой штампами голове подобные учреждения рисовались как нечто среднее между гостиницей «Интурист» и Большим театром. Поэтому уже внешний вид дома на «Пролетарской» несколько озадачил меня.

Интерьер оказался еще скромнее и представился длинным обшарпанным коридором, застланным вытертой ковровой дорожкой, куда выходили шесть или семь дверей, за которыми, очевидно, и решались все важнейшие вопросы познания.

Мое появление вызвало в редакции не меньший переполох, чем прибытие Марко Поло ко двору хана Хубилая. Последний, я думаю, рассматривал заезжего итальянца с меньшим любопытством, нежели сотрудники журнала, гурьбой высыпавшие в коридор, глазели на меня. Из кабинета, расположенного в самом конце ковровой дорожки, вышел грузный пожилой мужчина в массивных роговых очках и, бесцеремонно растолкав всех, сказал, уставя палец в мою грудь:

— Это наш новый курьер, товарищи. По протекции Аиды Борисовны.

Я тотчас догадался, что речь идет о маминой подруге Крапивиной и что благодаря ее стараниям я получил эту, судя по всему, весьма престижную должность. Грузный мужчина огляделся, как бы ожидая возражений, но возражений не последовало, напротив — все вдруг разом загалдели:

— О! Да, да! Аида Борисовна! Очень хорошо!

Таким образом, я понял, каким большим авторитетом пользовалась Аида Борисовна в «Вопросах познания» и какое важное место среди прочих занимал в журнале вопрос о назначении нового курьера.

— Мирошников, если не ошибаюсь? — обратился ко мне грузный.

— Да, — ответил я.

— А звать как?

— Иван.

По легкому трепету, всколыхнувшему воздух, стало ясно, что мое имя произвело на присутствующих сильное впечатление.

— Вот! — громко сказал грузный. — Прошу любить и жаловать. Меня зовут Олег Петрович Чащин. Я главный редактор этой организации и атаман сих сорвиголов. — Он с улыбкой обвел рукой сотрудников, которым, видимо, очень польстило сравнение Олега Петровича, и добавил: — Ну вот, знакомство состоялось. Прошу всех вернуться на свои места.

После этого работники журнала с некоторым сожалением на лицах разошлись по кабинетам, а меня поручили заботам сухопарого пожилого мужчины — заместителя главного редактора, как выяснилось. В своем кабинете Андрей Михайлович (так он представился) вручил мне анкету и чистый лист бумаги для автобиографии, а сам, усевшись за стол, извлек откуда-то снизу увесистый справочник и уткнулся в него носом.

Я присел за другой стол у окна и решил для начала написать автобиографию. Но дело у меня

не пошло. В голове завертелась какая-то блажь, и я никак не мог сосредоточиться. Тут еще за окном заморосил мелкий, скучный дождь, и на подоконник прилетели два воробья. Они сидели нахохлившись, спрятав клювики в намокших перьях, и по всему было видно, что настроение у них препаршивое. Я смотрел на воробьев через стекло, и постепенно их грусть сообщилась мне. Чтобы вконец не расстроиться, я отвернулся от окна.

Время шло, а дело у меня не двигалось. Я решил подойти к нему с другого конца и взялся было заполнять анкету, но ее простые и ясные вопросы, требующие, казалось бы, совсем небольшого напряжения ума, представились мне вдруг очень сложными и запутанными. Тогда я вернулся к автобиографии и неожиданно написал первую фразу:

«Я родился в провинции Лангедок в 1668 году».

Немного подумав, я написал еще:

«Мой род, хотя ныне и обедневший, принадлежит к одним из самых славных и древних семейств королевства. Мой отец граф де Бриссак сражался в Голландии в полку г-на Лавалья и был ранен копьем при осаде Монферрата, на стенах которого он первым водрузил королевское знамя. До семнадцати лет я жил в родовом замке, где, благодаря заботам моей матушки баронессы де Монжу, был прилично воспитан и получил изрядное образование. Ныне, расставшись со своими дорогими родителями, дабы послужить отечеству на поле брани, прошу зачислить меня в роту черных гвардейцев его величества».

Сочинив эту галиматью, я принялся за анкету и быстро заполнил ее соответственно своей красочной биографии. Перечитав потом всё вместе, я не удержался и так громко рассмеялся, что привлек внимание Андрея Михайловича.

— Ты чего? — спросил он, прервав чтение. — Написал, что ли?

— Ага, — кивнул я в ответ.

— Ну-ка, дай посмотреть.

Андрей Михайлович взял мои документы и долго читал их, шевеля губами, как будто переводил с иностранного языка. Когда он отложил бумаги в сторону, выражение его физиономии ни капли не изменилось, отчего моя собственная улыбка показалась мне такой же глупой, как и вся затея с автобиографией. Андрей Михайлович ничего не сказал, за что я, помнится, был ему чрезвычайно признателен тогда. Он даже не вздохнул, не хмыкнул и вообще никак не выказал своего отношения к моим сочинениям. Достав из ящика стола чистые бланки, он передал их мне и вновь углубился в чтение справочника.

Я приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Они были не слишком сложными. Я сортировал и разносил по отделам письма и рукописи, поступавшие в редакцию, ездил с поручениями по городу, для чего мне был выдан единый проездной билет, а также выполнял некоторые личные просьбы сотрудников, как то: бегал через дорогу в ларек за пивом и сигаретами и ходил в магазин, чтобы купить «вкусенького» к чаю.

Моими услугами пользовался весь журнал. Во всех отделах я был, что называется, нарасхват.

С утра до вечера в редакции слышалось: «Иван!», «Где Иван?», «Вы не видели курьера? Если он появится, пускай немедленно зайдет к нам!» Я начал чувствовать себя незаменимым. Стал капризничать.

— Ванечка, ты не мог бы съездить на Кутузовский?

— А что там?

— Да вот, статейка тут у нас... Мы автору поправки дали. Надо бы отвезти...

— А что он, сам заехать уже не может? Балуете вы их...

— Да он, понимаешь, пожилой уже... Академик, опять же...

— А статейка-то дельная?

— Статейка дельная... Только там кой-какие фактические ошибочки имеются.

— Что ж он так? Академик, а материал не проверяет, — ворчал я. — Ну ладно, съезжу ближе к вечеру...

У меня появились пристрастия. Я, например, недолюбливал отдел «Научный вестник». Им заведовал сухонький старичок по фамилии Емельянов. То ли от старости, то ли от вредности он никак не мог запомнить моего имени и величал меня не иначе как «быстроногий Меркурий» или «хитроумный Гермес». Мне не нравилось ни первое, ни второе.

Зато я очень симпатизировал отделу информации. Всякую свободную минуту сидел там, пил чай, болтал о том о сем. Заведовал отделом Степан Афанасьевич Макаров. Он был похож на бутылку шампанского, открытого в Новый год, — такой

Содержание

Курьер	5
Молодые дирижабли	103

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Карен ШАХНАЗАРОВ

КУРЬЕР

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректоры *О. Ануфриева, Е. Соболева*
Верстка *Л. Харченко*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.08.2024.
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Гарнитура «Petersburg».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08.
Тираж 4000 экз. Т-НWL-35264-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака Азбука 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – Азбука тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

